

Выше. Быстрее. Выше. Честнее.

Вышеступки

ДЖЕННИФЕР ЯКОПЕЛЛИ

Перевод Хильды Брун

Дженнифер Якопелли

Гимнастки

Серия «Мы в порядке»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74049412

ISBN 978-5-04-248973-0

Аннотация

Одри было три года, когда мама в первый раз привела ее на тренировку по спортивной гимнастике. В шестнадцать травма позвоночника едва не поставила крест на ее карьере. Сейчас Одри семнадцать. Впереди Олимпийские игры, первые и последние в ее жизни, потому что врачи ясно дали понять: со спортом придется попрощаться.

Но оказывается, что попасть в одну из сильнейших команд мира недостаточно. Недостаточно терпеть боль, снова и снова демонстрируя на снарядах высочайшее мастерство. Сборную потрясает ужасная новость: главного тренера, человека, которому они доверяли больше всего, обвиняют в насилии над подопечной. Одри намерена защитить сокомандницу, но не все гимнастки на ее стороне.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дженнифер Якопелли

Гимнастки

© Хильда Брун, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Soda Press

Copyright © 2020 by Jennifer Iacopelli

Jacket images © Shutterstock

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом авторского воображения, либо используются вымышленно, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, деловыми учреждениями, событиями или местами случайно.

* * *

Всем девочкам, которые были и будут

Глава 1

Мучительная боль пронзает позвоночник, обжигает бедра и спускается дальше. Я стискиваю зубы и сжимаю кулаки. Коротко остриженные ногти впиваются в ладони.

Да ладно, Одри, ничего страшного. Просто потерпи.

Я бью себя кулаками по икрам, чтобы отвлечься от боли, пока сижу на полу в шпагате и жду своей очереди.

Трибуны забиты под завязку, но на арене тихо, и к потолку возносится только ритмичный скрип разновысоких брусьев. Уже два дня мы одна за другой выходим к столу для опорного прыжка, к бревну, к брусьям, к коврику для вольных упражнений и выполняем свои комбинации, а публика смотрит затаив дыхание.

Я тоже стараюсь не дышать. Когда я дышу, боль становится слишком сильной, а я не могу допустить, чтобы кто-нибудь заметил, как у меня болит спина.

Особенно он.

Тренер Гибсон – мы в сборной США по гимнастике зовем его Гибби – расхаживает между помостами, зорко высматривая любой признак слабости. Он везде, его холодный аналитический взгляд подмечает каждую заминку, каждую пометку, высвечивая недостатки.

Он стоит слева от меня в мягком красно-бело-синем спортивном костюме, скрестив руки на груди.

– Как спина, Одри? – спрашивает он.

– Отлично. Готова ко всему.

Он поднимает брови и недоверчиво хмыкает, не отрывая взгляда от моей сокомандницы и лучшей подруги Эммы Садовски, которая раскачивается на брусьях.

Гибби может плялиться сколько угодно. Эмма не облажается. Он это знает, хотя и притворяется, что его не совсем устраивают ее стойки на руках и перелеты. Она – само совершенство.

Но стоит мне хотя бы поморщиться – и он расценит это как признание, что мне слишком больно и я не могу продолжать.

Эмма – великая гимнастка, но даже в свой лучший день она не может превзойти меня на брусьях. Конечно, это пустяки, если вспомнить, что она на две головы выше меня во всем остальном. Мы тренируемся бок о бок с трех лет, когда наши матери записали нас на совместные занятия для мам и детей. Теперь, спустя четырнадцать лет, мы отбираемся в олимпийскую сборную.

Эмму точно возьмут. В прошлом году она выиграла чемпионат страны и личное многоборье на чемпионате мира, и теперь все букмекеры уверены, что в Токио она возьмет несколько золотых медалей. Эмма добилась всего, о чем мы мечтали в детстве, и олимпийское золото для нее лишь вопрос времени.

А для меня попасть в сборную будет чудом. Боль не имеет

значения. Почти. Спина болит всегда, кроме тех блаженных дней, когда мне колют кортизон. Врачи говорили, что мне следует уйти из спорта, но я сказала, куда они могут засунуть свое мнение. Потом извинилась, и мы нашли компромисс: я уйду после Олимпиады.

У меня осталось всего несколько недель в гимнастике. Или несколько минут, если я заporю комбинацию.

Сделав напоследок двойное сальто, Эмма четко спрыгивает на маты и встает как вкопанная. Когда ее тело выгибается дугой, мне кажется, что мой четвертый позвонок вздрагивает. А может, виной тому рев толпы, которая подбадривает свою золотую девочку.

Эмма приветствует судей и машет фанатам. Меня охватывает радость за подругу. По телу пробегает дрожь возбуждения. Боль отступает на второй план. Мой выход уже скоро. Тело и разум настроены на одну волну.

Можно подышать еще несколько минут, потому что метрах в двадцати от меня Челси Кэмерон, действующая олимпийская чемпионка в многоборье, собирается начать свою программу в вольных упражнениях. Ведется телетрансляция, и мы выступаем поочередно, чтобы болельщики дома ничего не пропустили.

– Отлично получилось, – говорю я, вставая, когда Эмма с фальшивой улыбкой спрыгивает на пол с помоста.

Я знаю ее достаточно давно, чтобы понимать, когда она улыбается неискренне.

– Знаю. – Она откидывает волосы назад, не сняв с рук покрытые магнием накладки. Кожа у нее белая, волосы рыжие, и на них остается полоса почти под цвет кожи. Я улыбаюсь. Обычно магнием пачкаются мои темные волосы, а не ее огненная грива. – Ты справишься, Ри.

– Я знаю.

Она улыбается, на этот раз по-настоящему, и я немного расслабляю плечи, хотя Гибби по-прежнему стоит рядом. Может показаться, что он сосредоточен на Челси, которая кувыркается по ковру на другой стороне арены, но я уверена: он не забыл про меня.

Я делаю круговые взмахи руками и вытягиваю их над головой, пытаюсь притвориться, что не замечаю присутствия Гибби и думаю только о комбинации, которую собираюсь показать. Он сам бывший гимнаст, ненамного выше меня ростом, но кажется гигантом из-за того, как велика его власть в моем мире.

Гибби проводит рукой по густым каштановым волосам, седеющим на висках.

– Ну-ка, Одри, покажи, на что ты способна.

«А не то...» – добавляю я про себя.

Челси заканчивает последнюю акробатическую диагональ. Времена, когда она побеждала в многоборье, давно прошли, но ее имя до сих пор ассоциируется с олимпийским золотом и многомиллионными спонсорскими контрактами. И даже в двадцать лет она невероятно крута в опор-

ном прыжке и вольных упражнениях.

Я делаю глубокий вдох и выкидываю Челси из головы. Гибби хочет посмотреть, что я могу на брусьях, и я должна показать, что заслуживаю места в олимпийской сборной, что я достойна своей мечты.

Давай, Одри, одна комбинация – и ты летишь в Токио.

Толпа наконец успокоилась после выхода Челси, и комментатор объявляет:

– А теперь на брусьях Одри Ли из NYC Gymnastics!

При звуке моего имени сердце подпрыгивает, а кожа покрывается мурашками. Если это мой последний раз, я хочу запомнить каждую мелочь. Я смотрю в глаза своему тренеру Полине. Полина покрывает брусья магниезией именно так, как мне нравится, – тонким слоем, без комков. Она коротко улыбается, и я отвечаю ей тем же.

Я хочу сказать о том, как я ей благодарна, как сильно я ее люблю. о том, что она, чем бы ни закончился отбор, навсегда останется для меня второй мамой. Но времени нет, и, пожалуй, я даже этому рада. Не хватало еще заплакать прямо сейчас.

Толпа гудит, но этот шум не может заглушить биение пульса у меня в ушах. У края помоста все еще горит красный свет, поэтому я осматриваю арену. Техника бликует, операторы подбираются к самым снарядам, тщетно пытаюсь не мешать, в воздухе висит меловая пыль, покрывая все ровным слоем.

Какая красота.

Судья в конце прохода дает зеленый свет. Можно начинать.

Я забываю обо всем. Поднимаю одну руку в знак приветствия, отведя другую в сторону, – эта манера появилась у меня в детстве, когда я была помешана на российских гимнастках. Затем поворачиваюсь лицом к цилиндрическим стеклопластиковым брусьям. Они – мой пропуск на Олимпиаду.

Наскакиваю на брусья и встаю в стойку на руках, ненадолго задерживаюсь, чтобы показать, что контролирую тело, не дожидаясь, пока кровь прильет к голове, а затем складываюсь пополам, выпрямляя ноги с оттянутыми носками и раздвигая их в виде буквы V. Когда выполняешь комбинацию на брусьях, особенно такую, как моя, почти нет времени отдышаться. Это одна из сложнейших комбинаций в мире. Каждый элемент связан с другим, словно ноты в плавной мелодии, которой вторят скрип брусьев и гудение стальных растяжек. Взлетев на верхнюю жердь, я отпускаю ее и снова хватаюсь, спускаюсь на нижнюю, делаю мах вокруг нее и возвращаюсь на верхнюю.

Это не полет, но это ближе к полету, чем все, на что способен человек. Теперь гигантский мах вверх, пируэт и мах вниз, а затем вылет в сальто назад. Держась очень прямо, я делаю оборот вокруг своей оси, другой, третий – и приземляюсь, сделав крошечный, едва заметный шаг.

Конец.

Комбинация завершена. Я с облегчением выдыхаю. Потом хлопаю в ладоши – с накладок слетает облако мело – вой пыли – и приветствую судьей. Возможно, в последний раз.

Когда я спрыгиваю с подиума, Эмма обнимает меня, прежде чем я успеваю выпрямиться. Затем я оказываюсь в объятиях Полины, которая знает меня лучше, чем даже мои родители. Через ее плечо я ловлю взгляд Гибби, но в нем нет никаких эмоций. Ни радости, ни удовлетворенности, только непроницаемая суровость. Он смотрит в сторону.

Я ведь выполнила его просьбу, разве нет?

Неужели этого недостаточно?

– Круто, – шепчет Эмма, когда тренер отпускает меня.

Отодвинувшись, я вижу в глазах Полины слезы. Она рада? Огорчена? Или и то, и то?

Я сжимаю руку Эммы.

– Я знала, что ты сможешь, – говорит она, отвечая крепким пожатием.

На этом я ломаюсь. Тяну ее за руку и прижимаю к себе. В уголках глаз собираются слезы.

– Я так тобой горжусь. Так горжусь нами обеими.

– Я тоже.

Ее голос дрожит, но она, шмыгнув носом, овладевает собой – это она тоже умеет лучше меня.

Мы отстраняемся друг от друга, и Полина обнимает нас за плечи. Затем мы вместе идем к углу арены, а комментатор объявляет последнюю участницу:

– А теперь в вольных упражнениях Даниэла Оливеро из гимнастического центра Сан-Матео!

Составитель расписания не зря отвел Дани последнее место в финальной ротации. Ее комбинация под музыку из «Величайшего шоумена» очень популярна у фанатов спортивной гимнастики, и она эффектно выглядит в вольных упражнениях – невероятно высокие кувырки, безумная трата энергии на протяжении всего выступления.

До прошлого года она находилась на периферии рейтинга лучших гимнасток, но сильно прибавила в последние месяцы перед Играми.

Раздается музыка, и зрители сразу вскакивают. Я смотрю на Эмму, а та подмигивает в ответ. Мы обе начинаем пританцовывать. Хореография у Дани просто потрясающая, мы не раз видели ее выступление на сборах Национального комитета по гимнастике.

Сьерра Монтгомери и Джейми Педерсон, две белые девушки из Оклахомы, которые всегда все делают вместе, смеются над нами, но песня захватывает и их, и вот они уже покачивают бедрами в такт.

Дани без помарок выполняет последнюю акробатическую диагональ, музыка стихает, и трибуны взрываются ревом одобрения. Теперь моя боль – лишь мимолетное ощущение, покалывание на задворках сознания. Все гимнастки, не сговариваясь, начинают обниматься.

Обняв Сьерру, а затем Джейми, я пытаюсь перевести ды-

хание, но в меня врезается Челси Кэмерон. Ростом она не выше пяти футов, но толчок почти сбивает меня с ног. Пышные каштановые локоны задевают мою влажную щеку. Она плачет и, наверно, даже не видит, кого сжимает в объятиях. За все эти годы мы разговаривали раза два. Дани все еще обнимает своего тренера, но в конце концов Эмма стискивает ее медвежьей хваткой, насколько это возможно для девушки весом девяносто фунтов¹, и тащит к остальным.

Уголки моих глаз щиплют горько-сладкие слезы. Невыносимо думать, что я сделала все возможное, чтобы доказать свое право на место в сборной, – и не знать, достаточно ли этого.

Почти против воли мой взгляд устремляется к табло. Я не хочу на него смотреть, но приходится. На нем высвечиваются суммарные результаты за оба дня соревнований, и, прежде чем Гибби определит мою судьбу, мне нужно узнать, какое место я заняла. Слез все больше, смотреть все труднее, но я четко различаю свое имя.

1. Эмма Садовски 118,2
2. Даниэла Оливеро 118,0
3. Сьерра Монтгомери 117,1
4. Джейми Педерсон 116,3
5. Одри Ли 115,4
6. Челси Кэмерон 110,5

¹ Примерно 41 кг. *Здесь и далее прим. перев.*

Распределение мест соответствует моим ожиданиям, хотя я немного удивлена, насколько мал разрыв между Эммой и Дани. В олимпийской сборной четыре места, а я сейчас пятая, но решение Гибби важнее, чем оценки в многоборье. Я трезво смотрю на вещи: только его мнение имеет значение.

В хаосе я кое-как натягиваю черный спортивный костюм, такой же, как у Эммы. На спине блестящими серебристыми стразами вышит силуэт Нью-Йорка, а слева на груди – аббревиатура названия школы, NYC GYM. Наверно, выглядит безвкусно, но гимнастическая мода редко бывает изысканной. Я плачу навзрыд. Чем бы ни кончился отбор, форму своей школы я надеваю в последний раз. Дальше – либо форма сборной США, либо ничего.

Прекрати, Одри. Наслаждайся моментом.

Я пытаюсь взять пример с Эммы и подавить эмоции. Получается лишь отчасти. Но лучше уж так. Я забрасываю на плечо сумку, и одна из работниц – я смутно припоминаю, что это сотрудница Национального комитета по гимнастике, – жестами предлагает нам уйти с арены. Я иду к выходу следом за остальными девушками. Из двенадцати будут отобраны четыре плюс две запасные. Позади меня комментатор обращается к зрителям:

– Пока мы ждем решения отборочной комиссии, давайте все вместе поздравим серебряного и бронзового призера Олимпийских игр Джанет Дорси-Адамс, владелицу и глав-

ного тренера Академии гимнастики и танца Коронадо, с включением в Зал славы Национального комитета по гимнастике!

Луч прожектора подсвечивает Джанет, когда та поднимается на помост, где ее ждет статуэтка. Попасть в Зал славы очень круто. Возможно, через несколько лет я... От этих мыслей меня отвлекает голос Эммы, которая ушла по коридору дальше, чем я думала:

– Одри, пойдем!

Я поворачиваюсь, чтобы догнать ее, но вижу перед собой грудь человека, который намного выше меня. Я едва не врезаюсь носом в его грудные мышцы, но сильные руки легонько придерживают меня за плечи. Мы оба поспешно делаем шаг назад, и парень отпускает меня. Я поднимаю взгляд и удивленно ахаю. Я его знаю.

Это Лео Адамс, сын Джанет Дорси-Адамс и чемпион мира по сноуборду. Мама таскала его с собой на соревнования, когда мы были маленькими. Мы подписаны друг на друга в соцсетях, но я уже много лет не видела его воочию.

На нем футболка с надписью «ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ ФЕМИНИСТ», он намного выше моих пяти футов и четырех дюймов. В нем футов шесть, не меньше. Метис, с веснушками на переносице.

– Привет, Лео.

Мне неловко, что я не придумала реплику получше, и вдруг окажется, что я по мню его имя, а он мое не по мнит?

Получится фигня.

Но лицо Лео озаряется улыбкой, и я выдыхаю с облегчением.

– Одри Ли.

Слава богу, он знает, кто я.

– Осторожно. Не хочу, чтобы ты лишилась места в сборной из-за неуклюжести.

Я позволяю себе улыбнуться:

– Возможно, этот риск оправдан.

Какого черта, Одри? Ты флиртуешь? Должно быть, атмосфера соревнований свела тебя с ума.

– Одри! – снова зовет Эмма, и ее голос отражается от бетонных стен широкого коридора.

Она отчаянно машет мне рукой, но я остаюсь на месте. Вместе с остальными девушками Эмма исчезает в раздевалке.

Странно. Я попала в какую-то альтернативную вселенную, где адреналин все еще заглушает боль, а моя карьера в гимнастике, возможно, закончится через несколько минут, и почему-то эта мысль воспринимается как освобождение.

– Наверно, мне стоит... – начинаю я и осекаюсь.

– Конечно, – соглашается он, и я смеюсь.

– Дамы и господа, через пятнадцать минут будет объявлен состав женской сборной США по спортивной гимнастике на следующих Олимпийских играх! – возвещает комментатор.

Я делаю шаг в сторону раздевалки, затем второй. Не

оглядывайся, Одри. Мальчики будут через месяц, когда ты получишь олимпийскую медаль. Или две.

Дверь захлопывается за мной. Все остальные уже в раздевалке, даже Сара Пекораро и Брук Оренштейн. Они квалифицировались в прошлом году как индивидуальные спортсмены. Они поедут в Токио, но не будут бороться за медали в командном зачете, как мы – те, кого возьмут в сборную.

– Где ты застряла? – спрашивает Эмма и тянет меня туда, где посвободнее.

– Помнишь Лео Адамса?

– Что?! Он здесь? Постой, сколько времени до объявления?

Она места себе не находит, и я ее не виню. Она только что выиграла отбор на Олимпиаду, но вынуждена ждать вместе со всеми, да и мне тоже не помешает отвлечься.

– Пятнадцать минут.

В сумке вибрирует телефон. Меня ждут тысячи уведомлений. Пока национальное телевидение транслировало отбор с моим участием, соцсети сходили с ума, но я научилась игнорировать большую часть того, что там пишут.

В глаза бросается последнее уведомление. Меня упомянул в своем посте пользователь @Leo_Adams_Roars.

Я прикусываю нижнюю губу – иначе снова просияю, как когда увидела Лео, – и захожу на его страницу. Должна отдать ему должное, фото в профиле сногсшибательное – те же веснушки, та же улыбка да еще ямочки на щеках, которые я

как-то умудрилась проглядеть минуту назад.

– Вау. Он суперсекси, – говорит Эмма – возможно, громче, чем хотела.

– Кто суперсекси? – поворачивается к нам Сьерра, которая только что шепталась с Джейми.

– Лео Адамс, – сообщает Эмма, указывая на мой телефон. И моя мимолетная встреча с Лео становится той самой возможностью отвлечься, которая нам всем нужна.

– Сын Джанет? – спрашивает Джейми.

Сьерра закатывает глаза:

– Нет, Джейми, это ее случайный однофамилец, который болтается здесь в туннеле, пока она получает награду.

– Он сноубордист? – спрашивает Челси, пока я держу большой палец над черно-белой фотографией, на которой Лео сидит на горе – без рубашки – с пристегнутой к ногам доской, а вдали встает солнце.

– Сноубордист, который не чужд эстетике. – Эмма приподнимает рыжую бровь идеальной формы.

– Он выиграл чемпионат мира среди юниоров в прошлом году, – роняю я, стараясь сделать вид, что не слежу внимательно за его карьерой.

Ну то есть не так уж сложно узнать, что у него нового. Мы все постим не реже раза в день, и Лео вспо мнил мое имя, так что, скорее всего, он знает обо мне все то, что я знаю о нем. Возможно. Не исключено.

Дани высовывается из-за Челси:

– Такие мальчики должны всегда ходить без рубашки. Посмотрите, какие плечи.

Сьерра протягивает руку и ставит лайк с моего аккаунта.

– О боже!

У меня чуть инфаркт не случился. Я отдергиваю руку с телефоном, но слишком поздно.

Я не могу похвастать большим опытом общения с парнями – сорок часов тренировок в неделю оставляют мало места для бурной подростковой романтики, – но знаю достаточно, чтобы понимать, что фотографию, сделанную несколько месяцев назад, лайкают от большого отчаяния.

Сьерра смеется, а остальные хихикают.

– Не парься. Смотри.

Она права. Я наконец читаю, что он написал.

@Leo_Adams_Roars:

Столкнулся нос к носу с @Rey_Lee! Все хорошо. Она не пострадала. Золото на брусках будет нашим!

#отборНКГ

В дверь стучат, и мы поднимаем глаза. Отвлеклись, и хватит. В дверях стоят Гибби и остальные члены отборочной комиссии.

Пора.

Глава 2

Мы гуськом выходим на арену и машем толпе. Я дышу неглубоко и неровно. Зрители неистовствуют, но я слышу лишь далекое жужжание. Я всю жизнь об этом мечтала, но я к этому не готова. Кожу покалывает, и одновременно она немеет.

Посреди темной арены в круге света от прожектора стоит Гибби. Безупречная прическа, уверенно расправленные плечи, прямая спина – все взгляды прикованы к нему.

– Дамы и господа! Для меня большая честь объявить имена спортсменов, которые будут представлять Соединенные Штаты Америки на Олимпийских играх в Токио. Наряду с нашими индивидуальными участницами Сарой Пекораро и Брук Оренштейн давайте все вместе поздравим... Челси Кэмерон... Одри Ли... Даниэлу Оливеро... Эмму Садовски... – Гибби снова повышает голос: – Запасными будут Сьерра Монтгомери и Джейми Педерсон.

Я расплакалась, как только Гибби объявил наши имена в раздевалке, и все еще плачу. Щеки уже болят от того, что я постоянно вытираю слезы. В горле саднит, и я не могу восстановить дыхание. И в кои-то веки мне все равно. Плевать на самоконтроль. По крайней мере, на время.

Бок о бок с Эммой я поднимаюсь по ступеням на возвышение, и нас ослепляют софиты. Она хорошо владеет собой.

Ни слезинки, ни всхлипа – только спокойствие, как и подобает лучшей в мире гимнастке. Я крепко сжимаю ее руку. Это помогает чувствовать, что происходящее реально. Если я отпущу Эмму, она может раствориться в воздухе. Я проснусь от этого замысловатого, мучительно прекрасного сна.

Все так, как я ожидала, и в то же время совершенно иначе. Если бы меня не взяли в сборную, я горевала бы куда сильнее, чем радуюсь теперь, когда меня взяли. Странно знать, что принимаешь неудачи гораздо ближе к сердцу, чем достижения. Не очень-то правильный подход, но я такая.

Раздается громкий треск – я подскакиваю от неожиданности, – и откуда-то сверху на нас начинает сыпаться конфетти. Блестящие кусочки красной, белой и синей бумаги падают с потолка, застревая в волосах. Одна бумажка попадает мне в рот – неловкий момент. Под этим цветным дождем мы продолжаем смеяться и обниматься. Честно говоря, мне кажется, что я никогда в жизни так много не обнималась. Обычно я так не делаю, но это вполне может войти в привычку.

– Кучнее, девочки! – требует Челси, перекрывая шум.

Она уже бывала на Олимпийских играх и знает, каково это, но я хочу лишь наслаждаться моментом. Из-за спины моя первая Олимпиада станет последней. Мы прижимаемся друг к другу, и Сьерра обхватывает меня за плечи. Что они с Джейми сейчас чувствуют? Запасные. Сомневаюсь, что радовалась бы на их месте.

На другое плечо ложится рука Эммы, и я оказываюсь в

кругу из восьми девушек. Их имена всегда будут связаны с моим именем, что бы ни произошло между этим отбором и церемонией закрытия Игр.

– Теперь мы одна команда. – Челси приходится кричать, но ее все равно слышим только мы. – Против нас весь мир, и мы победим.

Я согласно киваю. Все кивают.

– Руки к центру, – командует Челси.

Похоже, кое-кто метит в капитаны. Ну то есть выбор прост. Она среди нас самая старшая и самая опытная. Челси протягивает руку, затем Эмма, потом Джейми и Сьерра, я и Дани и наконец – Сара и Брук.

– На счет «три» кричим «США». Раз, два, три...

– США! – кричим мы, вскидывая руки, а затем кружок рассыпается. Мы поворачиваемся и машем толпе. На арене включили свет, и мне кажется, что за столом для опорного прыжка, в нескольких рядах от пола, сидят мои родители.

Да, это они, и я даже не испытываю неловкости, видя, как мама прыгает и бешено машет руками, пытаюсь привлечь мое внимание, а папа улыбается и хлопает вместе со всеми.

Я машу им в ответ, но не могу подойти – для этого пришлось бы перелезть через стену, которая отделяет зону соревнований от трибун. Охрану удар хватит. Ничего, скоро увидимся.

Но сначала – интервью.

Сотрудница Национального комитета по гимнастике, за

которой мы ходим все выходные, как утята за уткой, уводит нас с помоста. Мы возвращаемся в туннель, направляясь к пресс-центру. Мне суют салфетки. В пресс-центре стоят стулья без спинок, на которые наклеены бумажки с нашими именами.

Я сажусь и прилагаю все усилия, чтобы вытереть слезы, не испортив макияж окончательно. Ко мне подходят несколько репортеров. Как и следовало ожидать, основное внимание прессы достается Эмме и Челси, но очень приятно видеть, что Дани Оливеро осаждают не меньше журналистов, да еще представители всех испаноязычных СМИ. Она американка мексиканского происхождения и дома говорит по-испански – им будет о чем написать в статье. На другой стороне комнаты стоят шесть пустых стульев для девушек, которые не прошли отбор. Они до сих пор в раздевалке. Насколько близки они были к попаданию в сборную? Насколько я была близка к тому, чтобы стать одной из них и не сидеть теперь на этой дурацкой неудобной штуке?

Кое-кто из репортеров явно решил, что начнет с меня, а к нашим звездам перейдет, когда толпа вокруг них немного поредет.

– Одри, – начинает высокая блондинка с французским пучком на голове, – о чем вы думаете теперь, зная, что не зря вернулись в спорт?

А, понятно. Их интересует история преодоления.

Преодоления чего? Наверно, боли. Я все еще на кураже

и не чувствую ее, хотя в норме не могу сидеть на стуле без спинки. Начинаю любить адреналин.

Я ухмыляюсь и прикусываю губу, но, не удержавшись, выдаю:

– Не называйте это возвращением.

Несколько репортеров смеются, поймав отсылку. Я из Квинса, и песня LL Cool J *Мама Said Knock You Out* значит для меня больше, чем для большинства людей. Женщина, которая задала вопрос, растерянно хмурится, и я неловко пожимаю плечами:

– Извините. Это гимнастика. В ней постоянно случаются травмы. Они бывают у всех. Я очень рада, что у меня было достаточно времени, чтобы пройти реабилитацию и выйти на уровень сборной.

– Кстати, насчет сборной, – влезает высокий мужчина с длинными бакенбардами и в хипстерских очках. – Что вы думаете о ситуации, когда в заветную четверку по падает атлет, занявший в многоборье пятое место? Разве это справедливо?

Мне требуется весь мой опыт общения с прессой, чтобы не закатить глаза.

– Не мне судить. – Я улыбаюсь и снова пожимаю плечами. Мой отец, хирург, постоянно говорит так о решениях, которые принимает его начальник в больнице. – Результаты финала в командном многоборье считаются довольно сложным образом. Суммируются оценки трех лучших спортсме-

нок для каждой дисциплины. Уверена, дело в этом.

Именно поэтому я в сборной. Я вхожу в тройку лучших на брусках и бревне. Челси входит в тройку лучших в опорном прыжке и вольных упражнениях. Дани и Эмма – две наши сильнейшие спортсменки в многоборье, они хороши на всех четырех снарядах. В нашей четверке сильные и слабые стороны отдельных участниц прекрасно дополняют друг друга, а следовательно, в финале командного многоборья у нас будут три отличных выступления на каждом снаряде. Чистая математика.

Женщина постарше, в которой я узнаю репортера из «СпортсИллюстрейтед», спрашивает:

– Вы удивлены, что попали в сборную?

– Удивлена? Я бы так не сказала. Но была ли я уверена, что попаду в сборную? Ничуть.

– Каково проходить отбор вместе с Эммой Садовски?

Мне хочется расцеловать этого репортера – он наконец-то задал стбящий вопрос.

Эмма сидит через несколько стульев от меня и расправляется с вопросами как профи. Всему, что я умею по этой части, я научилась, наблюдая за ней.

– Это фантастический, удивительный и совершенно умопомрачительный опыт. Она моя лучшая подруга, и я не знаю, как пережила бы последний год без нее. Каждый день я видела ее в спортзале, и это мотивировало меня продолжать бороться. А возможность поехать на Олимпиаду с лучшей

подругой? Это что-то невероятное. Мечта, воплотившаяся в жизнь.

– Как вы думаете, сможет ли она победить Ирину Кареву?

– В прошлом году победила.

В прошлом году я не смогла участвовать в чемпионате мира, но мне было очень приятно смотреть, как Эмма сделала Кареву. Российская суперзвезда считалась недосыгаемой, но оступилась на бревне, и Эмма обошла ее почти на балл.

– На прошлой неделе Карева выложила видео, в котором она делает прыжок Юрченко с тремя винтами. Этот элемент даст ей огромное преимущество в сложности перед Эммой, если она сможет его выполнить.

Очень, очень смелое «если». Еще ни одна женщина не выполняла на соревнованиях прыжок Юрченко с тремя полными оборотами, а Карева в том видео выглядела просто ужасно. Вот единственное, что мне не нравится в российской сборной. Они выступают красиво, но кажется, что в опорном прыжке они всегда замахиваются на то, что им не по силам. Впрочем, на камеру я это не скажу.

– Опять же не мне судить.

– Аккаунты участниц сборной только что прошли верификацию в соцсетях. Как вы к этому относитесь?

Я отвечаю первое, что приходит мне в голову:

– Вы вообще видели, кому дают эти галочки? – Журналисты смеются, но сотрудница комитета косится через плечо, услышав мой легкомысленный ответ. – Шучу. Это потряса-

юще. Сон наяву.

Я уже не понимаю, что говорю. Действие адреналина начинает ослабевать, и мое бедро пронзает внезапная боль. Болит не спина, а значит, я слишком долго сижу неподвижно. Мой взгляд устремляется на стоящую рядом сотрудницу комитета, и та каким-то образом понимает, что мне нужно поскорее закончить с интервью.

– Прошу прощения, – встревает она, протискиваясь сквозь группу репортеров, – но Одри нужно заняться спиной, пока она не застыла. Спасибо за ваши вопросы. Девушки, которые не попали в сборную, будут в вашем распоряжении через несколько минут.

Я соскальзываю с табуретки и беру букет цветов, который мне вручили после объявления результатов отбора. Мама будет в восторге. Ей всегда кажется, что я лишена вещей, из которых состоит жизнь обычного подростка, поэтому она с радостью засунет эти цветы в памятный альбом, как будто это корсаж с выпускного или что-то вроде. Олимпийская сборная или выпускной? Тут и выбирать не приходится.

Стоило вспо мнить родителей – и, выйдя из пресс-центра, я вижу их среди родственников других спортсменов. Папины темные кудри реют над головами. По сравнению с ним мама миниатюрная. Ее длинные черные волосы распущены и лежат на спине. Мои выглядели бы точно так же, если бы мне хоть иногда разрешали распустить пучок.

Наша семья постоянно вызывает интерес. Мама из Юж-

ной Кореи, ее удочерили в младенчестве, а я внешне пошла в нее. Если мы с ней гуляем вдвоем, люди спрашивают в лоб, кто мы такие и откуда, как будто это их касается, хотя это просто хамство. Когда я с папой, все считают, что он меня удочерил. А моя фамилия – Ли – запутывает людей еще больше, поскольку ею я обязана папиным предкам-англичанам, хотя и очень давним.

– Одри! – кричит мама, наконец разглядев меня, и они с папой проталкиваются мимо стоящего перед ними охранника. Мама сразу же обнимает меня и прижимает к себе. – Я так горжусь тобой, милая!

– Ри, ты была великолепна, – добавляет папа своим глубоким гулким голосом.

Его большая рука ложится мне на затылок, и он притягивает нас с мамой к себе. Чудесный момент. Я мечтала о нем с тех пор, как подросла и начала понимать, что такое Олимпийские игры. Все эти годы родителям было нелегко наблюдать за моими стараниями.

Мама прижимает меня к себе еще крепче, и я ежусь. Она сразу же отстраняется, очевидно почувствовав, как я напряглась.

– Тебе нужно к врачу?

Я киваю и улыбаюсь через боль:

– Когда вернемся домой, мне нужно будет сделать укол кортизона. Доктор Гупта сказал, что его хватит на все Игры, если я попаду в команду.

– Иди. – Папа показывает на процедурную комнату в другом конце коридора. – Встретимся в отеле. Комитет устраивает для вас вечеринку.

Я приподнимаю брови. Национальный комитет по гимнастике не ассоциируется у меня с вечеринками. Скорее с ранним комендантским часом и внезапными обходами номеров в три часа ночи. Но, черт возьми, это же Олимпиада, так почему бы и нет?

– Увидимся там, да.

Я отдаю цветы маме и крепко обнимаю обоих, а затем устремляюсь к процедурной.

Остальные девочки, кроме Дани, тоже направляются туда. Некоторые обнимаются с родителями, но большинство идут прямо на процедуры. Массаж, прогрев и лед приглушат боль до конца вечера.

– Где Дани? – спрашиваю я у Эммы.

Та неловко пожимает плечами и отходит к массажному столу.

– Все еще дает интервью, – кривясь, отвечает Сьерра.

Щеки у нее мокрые, и я знаю, что плакала она не от радости. Она запасная. В сборную ее не взяли, но и надежды не лишили. Думаю, я могу простить ей гримасу и резкость.

– В конце концов, сегодня она обставила Эмму в многоборье. Послушать журналистов, так это чудо.

Ух ты, а я и не заметила, что Дани сегодня обошла Эмму, хотя двухдневный итог у Эм был выше.

– Слушай, ну это правда важно, – вмешивается Джейми. – Эмма – чемпионка страны и мира, а Дани ее победила.

Сьерра фыркает:

– Ну да, конечно, ведь на международных соревнованиях мы все наберем не меньше баллов, чем на отборе.

Резонно. Я почти уверена, что сегодня все наши оценки были хотя бы немного завышены. Судьи склонны поддаваться накалу страстей вокруг Олимпиады, как и все мы.

Следом за ними я вхожу в процедурную, и Гибби взмахом руки подзывает меня к одному из пустых столов. Джош, один из спортивных врачей комитета, приготовил для меня пакеты со льдом.

– Поздравляю, – говорит он, усаживаясь на табурет напротив, пока я карабкаюсь на стол, пытаюсь не дергаться от тупой боли в пояснице.

Гибби рядом, он видит, как меня обкладывают массивными брикетами льда, и этого напоминания о моей травме вполне достаточно для человека, от которого зависит, буду ли я в сборной.

– Спасибо.

Я улыбаюсь Джошу. Он работает с национальной сборной сколько я себя по мню.

– Ты отлично поработала на отборе, Одри, – говорит Гибби, глядя не на меня, а на других девушек.

Я убеждена, что он делает так специально – дает нам понять во время разговора, что на наши места всегда есть дру-

гие кандидатки.

– Спасибо... – начинаю я, но он меня прерывает:

– Уверен, ты в курсе, что окончательное распределение мест в сборной зависит от готовности атлетов к Играм.

Я сглатываю, пряча вспышку паники, и киваю.

– Вы с Эммой с детства мечтали взять командное золото вместе. Она выполняет свою часть сделки. Тебя сегодня включили в сборную, но я уверен, что ты знаешь, насколько мал был перевес. Я ожидаю получить от тебя больше, чем получил до сих пор. Ты поняла?

– Да, конечно.

Это ложь. Чего еще он может от меня хотеть? Я подготовила самую сложную программу, которую могу выполнить с такой болью, и он точно это знает, а готовить новую в любом случае некогда. После возвращения в спорт я показываю стабильные результаты на брусках, и, если я не облажусь в личном финале, у меня есть все шансы на золото. А в вольных упражнениях и опорном прыжке я тоже выступала ровно на протяжении всего отбора, хотя там баллы за сложность ниже.

Не тупи, Одри, конечно, он про бревно.

Переходы между элементами у меня бывают нечеткими, и, хотя я все-таки довожу комбинацию до конца, мне было трудно делать это во время соревнований, когда я в любой момент могла пролететь мимо сборной. Кроме того, именно на бревне я больше всего рискую со своей травмированной

спиной. На этом снаряде суставам приходится туго, даже если спортсмен не падает. Я старалась не перетренироваться, но это лишь отговорка. Похоже, что моя поездка в Токио зависит от того, справлюсь ли я с бревном. Если я приложу все усилия, чтобы довести до блеска переходы, моя оценка вырастет на две, а то и на четыре десятых.

– Я сделаю все, что потребуется.

– Хорошо, – говорит Гибби. Внезапно он переводит взгляд на меня и подмигивает с едва заметной улыбкой. – Просто чтобы ты знала, я тут болею за тебя.

Я твердо киваю и улыбаюсь, хотя позвоночник пронзает боль, и она усиливается.

Он переходит к Сьерре – той накладывают на плечо пакет со льдом, рядом с которым пакет у меня на спине кажется крошечным. На столе рядом с ней лежит Джейми, которой обертывают льдом локти. Интересно, что он скажет им. Гибби – отличный тренер, однако он не брезгует психологическим давлением и умеет стравливать нас друг с другом. Но он сказал, что болеет за меня, это ведь хорошо? Конечно, хорошо.

Я делаю глубокий вдох и замечаю, что Джош смотрит на меня с тревогой.

– Как твоя спина? – спрашивает он.

Я взбрыкиваю ногами и ложусь лицом на стол.

– Все хорошо.

– Ладно, тогда давай позаботимся о том, чтобы сегодня на

вечеринке ей не стало хуже.

Джош оглаживает пальцами болезненную точку возле моего четвертого позвонка. Между его рукой и местом, где раньше была грыжа межпозвонковых дисков, слой рубцовой ткани и еще куча всего. У меня вырывается непроизвольный стон, и тут же становится ясно, что со спиной у меня не все хорошо. Я крепко закрываю глаза, пока Джош продолжает массаж, и очень надеюсь, что Гибби не слышал. Если он хочет от меня большего, он получит желаемое, а начну я с того, что преодолею эту боль.

Глава 3

– Знаю, знаю, – кричу я, запрыгивая в автобус.

Все пялятся на меня, в основном с усмешкой, но мне кажется, что я заметила, как Сьерра скривила рот. Я плюхаюсь на сиденье возле Эммы и вздыхаю с облегчением.

– Ничего страшного, Ри, – говорит она, отодвигаясь, чтобы дать мне место. – Писать по команде сложно.

– Да вообще!

После соревнований нас всех проверяют на допинг, и, как всегда, я последней справляюсь с задачей. Выполнить комбинацию на глазах у тысяч людей? Не проблема! Но помочь именно тогда, когда об этом просят проверяющие, практически невозможно.

Кроме нашего охранника из Национального комитета по гимнастике, в автобусе только те гимнастки, которые полетят в Токио. Сара и Брук сидят в первом ряду. Кажется уместным, что они сами по себе. Они квалифицировались отдельно и даже не будут тренироваться с нами перед Олимпиадой. Завтра мы все вылетим из Сан-Хосе и уже не увидим их, пока не прибудем в Олимпийскую деревню.

В какой-то момент я тоже задумалась, не лучше ли будет соревноваться за место на Олимпиаде с другими индивидуальными спортсменами со всего мира, чем позволить Гибби решать, брать ли меня в сборную, но после травмы этот путь

оказался для меня закрыт. Вдобавок, когда его выбрали Сара и Брук, Гибби совсем не обрадовался, а мне вовсе не хотелось в предолимпийский год настроить против себя руководителя комитета.

– Нам ведь не обязательно наряжаться, правда? – спрашивает Эмма, ковыряя ногтем свои велюровые спортивные штаны.

– Уже неважно, разве нет? – выпаливает Сьерра. – По милости Одри мы опаздываем.

– Переодеться некогда, – вторит ей сидящая рядом Джейми.

– Неважно, – заявляет Челси в своей обычной манере, так что создается впечатление, будто решающее слово за ней. – Будут только родственники, сотрудники комитета, может, парочка спонсоров, и им всем понравится, что мы приехали сразу после соревнований.

– А Лео Адамсу понравится? – шутит Эмма, но недостаточно тихо.

Остальные ее тоже услышали.

– Понятия не имею.

Честный ответ на этот вопрос сводится к тому, что я даже не вспоминала о нем после того, как Гибби вошел в раздевалку и огласил наши имена. Лео Адамс, конечно, симпатяшка, но поездка на Олимпийские игры важнее любого красавчика.

Джейми выглядывает из-за Сьерры. Ее блестящие светлые

локоны стремительно вываливаются из неудачного пучка.

– Уверена, он там будет. Его мать наградили, а Коронадо на другом конце страны. Они точно останутся на ночь.

– Круто, если он придет, но что-то подсказывает, что Гибби не оценит, если я буду все время проводить с мальчиком.

Эмма возмущенно смотрит на меня:

– Ты чего, Одри. Мы же попали в сборную. Можешь расслабиться на одну ночь. Да и какая там ночь. Всего несколько часов.

Мне приходится прикусить язык, чтобы не огрызнуться. Меньше всего мне хочется пересказывать разговор с Гибби при всех.

Должно быть, по мне видно, как я раздражена, поскольку выражение лица Эммы почти сразу смягчается.

– Я же не говорю, что ты должна танцевать на барной стойке или что-то в этом роде. Постарайся хорошо провести время. Последние несколько месяцев ты была сплошным комком нервов, и сегодня ты заслуживаешь праздника.

– Как и все мы, – соглашаюсь я.

Конечно, мы заслуживаем праздника.

– Вот, и что плохого, если ты немножко потусишь с клевым парнем?

Сьерра кивает:

– И правда, посмотрите на Челси. Она завела парня – и мы все видим, насколько лучше она стала выступать по сравнению с прошлой Олимпиадой.

Эмма откидывается на спинку кресла и поднимает глаза к потолку. Челси не реагирует на подколку. Сьерра вечно троллит. Иногда получается забавно, но, по-моему, она не видит берегов.

Автобус останавливается перед отелем. За ограждениями ждет толпа людей. Сообразив, кто приехал, они начинают возбужденно шевелиться. Эмма встает с кресла, и все остальные выстраиваются позади нее.

– Знаешь, ты права насчет Гибби и насчет того, что нельзя терять бдительность, – говорит Дани, морща нос. – Ничто не дается просто так. Ты добилаь того, чего добилаь, делая то, что у тебя получалось.

– Вот именно.

Дани одобрительно кивает и идет впереди меня к выходу возле водителя. Она всего на год старше меня, и я знаю ее с самого детства, но мы никогда не были близки. За последние несколько лет она из хорошей, но не гениальной спортсменки стала одной из главных претенденток на медали.

Остальные члены команды уже стоят в передней части автобуса.

– Девушки, – говорит наш охранник, – к сожалению, толпа слишком велика, чтобы мы могли ее утихомирить, поэтому я попрошу вас улыбаться и махать, но не останавливаться ради автографов или фото. Нужно, чтобы вы продолжали идти.

– Понятно, – соглашается Челси за всех нас, и охранник кивает:

– Выходим по моему сигналу. – Он поворачивается и произносит что-то в рацию.

– Девчонки, прежде чем мы выйдем, у меня есть подарки!

Челси вынимает из сумки семь подарочных пакетиков, на которых изображены две гимнастки, замершие в виде букв Ч и К. Это логотип ее собственного бренда косметики. Я вспоминаю интервью, в котором она говорила, что, будучи темнокожей, хотела создать действительно инклюзивную линию продуктов со множеством тонов и оттенков. Новинки ее бренда всегда раскупаются в первые же пять минут после релиза.

– Ладно, пойдёмте. – Охранник жестом приглашает нас двигаться.

Челси вручает каждой из нас по пакетик, когда мы проходим мимо нее. В шестнадцать лет она завоевала два олимпийских золота и начала сниматься в кино и клипах. Я уверена, что нипочем бы не хотела быть настолько знаменитой.

– Спасибо.

Я беру у Челси пакетик, а она улыбается и хлопает меня по плечу:

– Не за что, Ри.

Водитель дергает за рычаг, открывая дверь автобуса, и на нас обрушивается волна криков и фотовспышек. Вслед за Дани я спускаюсь по ступенькам, а за мной идет Челси. Для нас выгорожена металлическими барьерами дорожка к отелю, но она не настолько широка, чтобы фанаты не могли до

нас достать. Люди кидаются к ограждению. Я хлопаю ладонью по протянутым рукам и стараюсь улыбаться, но сердце бешено колотится, меня обуревает желание сбежать, а от того, что толпа теснится вокруг нас, становится жарко. Я сутулюсь и пригибаю голову, стараясь сделаться как можно меньше.

В отеле не лучше. В него заселилась куча фанатов, и в фойе давка. Я двигаюсь за блестящей лысой головой охранника, который выше большинства собравшихся, и наконец мы добираемся до лифта, который охранник вызывает ключкартой. Я делаю вывод, что мы едем куда-то, куда люди из фойе попасть не смогут, и испытываю облегчение. Потом – глубочайшее сочувствие ко всем на свете знаменитостям. На улице меня мало кто узнал бы, и я охотно предоставлю Челси и Эмме быть в центре внимания. Впрочем, другие как будто наслаждаются происходящим.

– Это было невероятно, – выдыхает Сьерра, а Джейми хочется, улыбаясь до ушей.

Щеки Эммы покраснелись.

– Отвал всего.

– Да они с ума сошли, – говорит Дани, но в ее расширенных глазах плещется радость.

Челси улыбается:

– Привыкайте, девочки. Теперь ваши жизни изменились навсегда.

Я не могу сказать, что верю ей, но тут двери лифта от-

криваются, и к нам дружно поворачивается еще одна толпа, состоящая из друзей, родственников, спонсоров, сотрудников Национального комитета по гимнастике, чиновников из Олимпийской федерации США, тренеров и бывших олимпийцев. Перед нами большой зал, где грохочет музыка и текут рекой напитки. На мгновение воцаряется тишина, а затем раздаются громкие аплодисменты и крики «ура».

Появляется Гибби, который сменил обычный спортивный костюм на парадные брюки и рубашку с воротником. Я редко вижу его одетым не для спортзала, и это преобразование впечатляет. Он выглядит гораздо менее устрашающе. Почти как обычный человек, как чей-то отец. Он улыбается нам, а затем поднимает руки, и толпа затихает.

– Дамы и господа, олимпийская сборная США по спортивной гимнастике!

Кто-то кричит: «Гип-гип ура!» – но кругом столько лиц, что невозможно разглядеть, кто это.

Гибби поднимает бокал:

– Выпьем за Эмму, Челси, Дани, Одри, Сару, Брук, Сьерру и Джейми!

Странно стоять перед кучей взрослых, которые пьют за нас, но этот момент заканчивается, музыка снова становится громче, и мы присоединяемся к вечеринке.

Эмма тыкает меня острым локтем.

– Ай! Чего ты?

Я смотрю на поднос с едой, который проплывает мимо.

Наверняка здесь подают «свинок в одеяле» – мини-сосиски в слоеном тесте, – и, хотя я придерживаюсь строгой диеты, эти закуски – одна из моих слабостей.

Эмма кивает в сторону, противоположную той, куда ушел официант с закусками, и по ее глупой улыбке я понимаю, кого увижу, еще не успев повернуться. Мы никогда не упускаем случая подколоть друг дружку, если одной из нас нравится какой-нибудь парень. Нет, я не хочу сказать, что мне нравится Лео. Я его едва знаю.

В руке у Эммы жужжит телефон, и она торопливо смотрит на него, но затем так же торопливо выключает экран.

– Иди. Наши родители в другом конце зала. Я тебя прикрою. Твои волосы просто супер. Глаза подведены безупречно, как всегда. Ты в олимпийской сборной. А теперь вперед, и пусть при виде тебя ноги откажутся его держать. Или сноуборд. Или еще что-нибудь в том же духе.

Я улыбаюсь и козыряю:

– Слушаюсь, мэ.м.

Когда я оборачиваюсь, Лео стоит всего в паре футов, улыбаясь так же, как тогда, на арене, и держит в руках маленькую тарелку со «свинками».

– Можно мне одну штучку?

Наверно, это не лучшее начало диалога, но черт с ним, я хочу есть.

– Бери хоть все.

Он протягивает мне тарелку, и я сую в рот миниатюрный

хот-дог. Как здорово. Вкуснейшее промасленное тесто с бог знает какой начинкой. Лео даже положил сверху острую горчицу. Возможно, мне придется выйти замуж за этого парня.

– М-м-м, обожаю, – говорю я, дожевав и проглотив.

– Ну, ты заслужила лакомство. С ума сойти, как давно мы не виделись.

– Наверно, года четыре или пять.

– Вижу, ты провела время с пользой. – Он обводит рукой банкетный зал. – Попасть в олимпийскую сборную с первой попытки – большое достижение. Хотя я был уверен, что у тебя получится.

Я хихикаю:

– Да ладно? Ну хоть кто-то из нас был уверен. Я так нервничала, пока Гибби не назвал мое имя. Да и сейчас нервничаю.

– А по тебе и не скажешь.

– Возможно, я хорошо притворяюсь, потому что сейчас я не просто нервничаю.

Его улыбка тускнеет, и он вдруг становится серьезным.

– Я понял. Ты ведь всю жизнь мечтала о том, чтобы столкнуться в коридоре с высоким мрачным незнакомцем. И вот этот момент наконец настал! – Теперь я смеюсь в голос. – А если серьезно, то поздравляю. В Токио ты всех покоришь. Я знаю.

– Спасибо. Я просто не могу поверить, что это на самом деле, понимаешь? После операции, после всего, что мне при-

шлось сделать, чтобы вернуться.

– Да, я видел. – Он прикусывает нижнюю губу и смущенно потирает затылок. – Не хочу, чтобы это прозвучало стремно, но я на тебя подписан, так что я видел твои фото, видео и прочее после операции, а потом, когда я получил травму...

Он замолкает.

Мне становится неловко. Я и забыла, что несколько месяцев назад видела в ленте его фото с гипсом.

– Долго не мог тренироваться? – спрашиваю я, указывая на его колено.

– Четыре месяца. Я уже занимаюсь лечебной физкультурой, и врачи разрешили мне встать на волну. Так что буду обходиться серфингом, пока не смогу опять кататься по твердой поверхности. Если вообще решу вернуться в спорт.

Я скидываюсь.

– Ты не уверен, что... – В кармане моего спортивного костюма вибрирует телефон. – Извини.

Я смотрю на экран.

Это сообщение от Гибби.

«Повеселись сегодня вечером, но по мни, что я сказал».

Я торопливо оглядываю комнату. Эмма в углу, рядом наши родители, а также агент Эммы. Сьерра и Джейми со своими родителями, все говорят, перебивая друг друга, – вероятно, о том, что их должны были взять в сборную вместо нас. Челси со своим парнем, и по ним видно, что остального мира для них не существует. Дани рядом с ними, смотрит в те-

лефон, как и я. Может, он и ей написал?

– Все хорошо? – спрашивает Лео, возвращая меня в реальность.

Или, возможно, реально лишь сообщение Гибби, а это что-то другое, что-то, чего не должно быть.

Затем Дани блокирует телефон, убирает его в карман, поворачивается к Челси и ее парню и говорит что-то, от чего оба смеются.

– Да. – Я дергаю головой и улыбаюсь. – Все нормально.

– Ясно. Слушай, не хочешь поговорить... в менее людном месте?

Он указывает на дальнюю стену. Она стеклянная, и, кажется, за ней балкон.

– Хочу, конечно.

Сан-Хосе не самый живописный город в мире, но, как и любой другой город, ночью он подсвечен мириадами огней, и он всегда будет занимать в моем сердце особое место. Именно здесь моя мечта наконец-то осуществилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.